

Universitas Tartuensis.

Adminnsto

366969

1. nov. 1929
18810

1. XII. 1929. a. Instruktsioonid
Tartu ülikooli kirjandusele.
Autor: stud. jur., kasuti Randmets

Hamberly

Tartu ülikooli sekretär

**Юридическая природа
векселей и форма передачи.**

"Minu sihil-
tähepanemine,
arusaamine
ja
meelespidamine."

1. XII. 1929

ТАРТУ

Историческая география
и этнография
и география

D 322 075

1 211 1000
K. A. T.

I. Вексель начального периода — до
индоссаменты.

Родина векселя — Италия, и возникъ онъ въ процесъ торговли итальянскихъ и испанскихъ городовъ въ XII — XIII в.в. Древнѣйшій, известный намъ вексель относится къ 1207 г. и былъ трассированъ евреемъ, генуэзскимъ банкиромъ, Рубенс' омъ на Паперто. Древнѣйшій законъ о векселяхъ, намъ известный, былъ изданъ мажест-

=рагонъ г. Барселонне в 1394 году.

Во времени своего зарожденія и до нашихъ дней вексель проделалъ сложный и длинный путь развитія, видоизменяясь и усовершенствовываясь, почему и вексель начального періода, т.е. приблизительно съ 12 или 13 столетія до 17-го, во многихъ отношеніяхъ не болѣе похожъ на вексель нашего времени.

Исторически вексель, какъ показываетъ самое названіе его — *littera cambii*, стоитъ въ связи съ размѣномъ денегъ (*cambium*); поэтому и юридическую природу векселя въ прежнее время старались объяснить именно съ этой точки зрѣнія.

Операция размена денег состоитъ въ томъ, что одно лицо передаетъ другому известную сумму денегъ и взаменъ получаетъ эквивалентъ въ монеты иного рода. Эта операция, имѣвшая очень большое значеніе въ средніе вѣка въвиду крайней раздробленности Европейской территории и многообразія ходившей въ то время монеты, на международномъ языкѣ средневѣковья-латини носила названіе „commutatio pecuniarum“, „permutatio“, а также всего — „combitum“.

Операция размена денегъ производилась специальными людьми — *сампрогес*, *баншеріи*, состоявшими другъ съ другомъ

въ тѣхъ дѣловыхъ сношеніяхъ.
При небезопасности путешествія
въ средніе вѣка и при отсутствіи
бумажныхъ денегъ, вмѣсто того
чтобы возить съ собою златую
монету, проще было обратиться
къ такому мѣняль. Денги
улагивались на мѣсто банкиру,
который взапять выдавалъ
клиенту приказъ на имя своего
коллеги о выдачу соотвѣствующей
суммы въ монету той
страны, куда отправлялось лицо.
Эта операція и обозначалась тер-
миномъ „сатвіитъ“.

При этомъ исходили изъ той
мысли, что сдѣлка не потеряетъ
характера размена, если эквива-

валентъ будетъ переданъ въ дру-
гомъ мѣстѣ (*distantia loci*);
въ отличіе отъ „*cambio locale*“,
простого размѣна, это будетъ —
„*cambio traiettizio*“ — размѣномъ
съ переводомъ; вмѣсто „*rescipia
praesens*“, обмѣна на наличные
при *cambio locale*, во второмъ
случаѣ наличныя деньги обмѣни-
ваются на отсутствующую монету
— *rescipia absens*. Размѣнъ денегъ,
съ передачей ихъ изъ рукъ въ руки,
въ отличіе отъ размѣна съ пере-
водомъ, называли еще „*cambium
manuale*“. Такъ какъ „*cambio
traiettizio*“ сопровождалось обычно
составленіемъ документа, письма,
то оно назывался еще „*cambium*

сум literis," въ отличие отъ простаго
размѣна - "cambium sine literis."

При "cambio traiettizio" экви-
валентъ размѣна передается не
только въ другомъ мѣсто, но и
черезъ извѣстную промежутокъ
времени - *distantia temporis*.

Такой взглядъ на эту сдѣлку
создался не только въ силу стрем-
ленія средневѣковыхъ юристовъ
остаться въ рамкахъ римскаго
права, какъ "ratio scripta," но
отчасти и подъ влияніемъ
церкви, воспрещавшей брать
проценты по займамъ. При взгля-
дѣ на савіумъ какъ на сдѣлку
размѣна (не какъ займа, гдѣ
въ сущности савіумъ являлось),

мыслила быль вправу удержатъ
въ свою пользу нѣкоторую плату
за совершение этой операціи.

При „cambio traiezzio“ требо-
валось обыкновенно, но не обяза-
тельно, составленіе письменного
документа — „litera cambii“,
которая и является родона-
чальницей современнаго перевод-
наго векселя. „Litera cambii“ не
имѣла самостоятельнаго значенія;
она являлась лишь средствомъ
доказательства существованія
основнаго договора — *contractus*
cambii, которой можно было
доказывать и иными способами.
П. обр., центръ тяжести лежалъ
не въ векселе, а въ самомъ

договоръ — contractus cambi. Права и обязанности вытекали из этого договора, а не непосредственно изъ векселя, какъ теперь. Вексель, т. обр., зависелъ отъ договора и, следовательно, не былъ абстрактнымъ обязательствомъ, каковое свойство векселя есть продуктъ позднѣйшаго времени. Обязательство это зависело отъ своего юридическаго основанiя — causa, каковымъ считалась передача денегъ для разнаго, — и при отсутствii послѣдняго обстоятельство становилось недействительнымъ. Передача валюты была существеннымъ условiемъ силы векселя, и каждому век-

— само можно было противопоставить
возражение о неуплаченной валюте
— *exsertio non numeratae pecuniae*,
каковое возражение лишь вносе-
модствіи перестали допускать
въ вексельномъ процессѣ.

Поэтому, и определяя юриди-
ческую природу векселя средневеко-
вые юристы, оставаясь на почве
римскаго права, все вниманіе
свое сосредоточивали на томъ
отношеніи, которое вызвало
появленіе векселя; весь вопросъ
сводился къ тому, чтобы
уяснить, какова та сдѣлка,
которая закончилась выдачею
векселя. Въ этомъ отношеніи
мнѣнія средневековыхъ юристовъ

очень расходящиеся. Одни видѣли въ *contractus cambi* куплю-продажу: *emptio-venditio pecuniæ absentis*; — роль товара играема *pecunia absens*; другие смотрѣли на *ambium*, какъ на мену-*permutatio*; *pecunia præsens* мѣнялась на *pecunia absens*; некоторые видѣли въ этой сдѣлкѣ договоръ займа (*mutuum*), наемъ (*locatio-conductio*), наконецъ, особый видъ безымяннаго контракта (*contractus innominatus*) и т. д.; были и такіе, которые находили, что вексель способная воплощать въ себя самыя различныя сдѣлки, — въ зависимости отъ различія лежащихъ въ основѣ

его отношеній, мы будемъ имѣть
на умѣ то куплю, то лѣнну,
то locatio-conductio, то заемъ,
и. т. д.

Вообще же, користи началъ
ного періода развитія векселя
относимъ contractus cambi
къ консенсуальнымъ контрактамъ,
такъ какъ scriptura по немъ
многочисленно была случайнымъ элемен-
томъ.

II. Появленіе индоссаментъ. Креаци- онная и договорная теорія. Существо вексельнаго обязательства.

Коренную перемѣну въ воззрѣ-
ніяхъ на вексель произвело появленіе

индоссаментъ въ XVII столѣтїи.
Въ связи съ способностью переда-
ваемости векселя, индоссабель-
ностью, на вексель перестаютъ
спорить какъ на случайную
принадлежность *contractus casus*.
Безъ векселя невозможно производить
операции, связанной съ индосса-
ментомъ. Письменный документъ,
scriptura, приобретаетъ первосте-
пенное значеніе, въ вексельномъ
обязательствѣ нагнаторъ видѣтъ
не консенсуальный, а литературный
контрактъ.-

Однако, послѣдній взглядъ ши-
рокаго распространенія не находить
и въ начальнѣйшій періодъ появленія
индоссаментъ, въ XVII в., большин-

ство уступить тористовъ разсматривается вексельное обязательство, какъ консенсуальное; этотъ взглядъ встрѣчается еще и среди тористовъ XVIII и даже XIX вѣка (Siegel, Sievenking, Boset), и находитъ поддержку въ некоторыхъ законодательствахъ. Такъ, напр., Швейцарскій Торговый Кодексъ прямо говоритъ, что „contracto de cambio“ заключается простымъ соглашениемъ сторонъ и можетъ быть доказываемъ всеми средствами, въ томъ числѣ и свидетельскими показаніями. Въ томъ же духѣ и опредѣленія французскаго „Ordonnance de Commerce“ 1673 г., и французскаго торговаго кодекса 1808 г. Соот =

вместенно этому, и многие фран-
цузскіе юристы, въ томъ числѣ
и Lyon-Caen et Renoult, разсматри-
ваютъ вексельное обязательство какъ
консенсуальный договоръ, т. к. для
образованія его не требуется
закономъ никакой специальной
формы.

Наиболее богато литерату-
ру о векселяхъ въ XVIII и особенно
XIX столѣтіи дало нѣмецкое
юридическое мышленіе, которое,
между прочимъ, выдвинуло совер-
шенно новыя точки зрѣнія на
природу векселя среди отдельныхъ
своихъ представителей. Многие
нѣмецкіе юристы, въ связи со
свойствомъ индивидуальности

векселя, стали даже вовсе отвер-
гать за векселем договорный
характеръ и видѣли въ немъ
актъ односторонняго волеизъявлен-
ня.

Исходя изъ той мысли, что
въ практической жизни въ вексель-
номъ оборотѣ первенствующее
значеніе приобрѣла *scriptura*,
т. е. самъ вексель, и т. обр.
установился абстрактный
характеръ вексельнаго обяза-
тельства, нѣмецкіе юристы стали
совершенно устранять изъ раз-
смотрѣнія договоръ, лежащій
въ основаніи вексельнаго обяза-
тельства. Въ связи съ этимъ,
въ нѣмецкой литературѣ возник

рядъ теорій, исходнымъ пунктомъ которыхъ явилось воззрѣніе, что единственными источниками вексельныхъ отношеній является самъ вексель; факты, лежащіе вне векселя, для вексельныхъ отношеній никакой роли не играютъ. Актъ созданія векселя (Kreation) служитъ единственнымъ основаніемъ и источникомъ обязательства. Это направленіе въ воззрѣніяхъ на природу векселя, известное подъ названіемъ „креационнаго“ (Kreationstheorie) и оказавшее громадное вліяніе на развитіе воззрѣній на вексель, имѣло многочисленныхъ сторонниковъ среди нѣмецкихъ юристовъ, наиболее

выдающаяся изъ которыхъ
являются Эймертъ и Курце.

Эймертъ, отрицая договорной
характеръ вексельнаго обязательства,
находитъ, что векселедержатель
выдачей векселя принимаетъ на себя
обязательство платить по векселю
въ силу односторонняго своего обя-
занийъ выдать деньги каждому
предъявителю векселя, т. е. поступаетъ
также, какъ государство, выпус-
кающее бумажныя деньги. Гаран-
тїей своевременной оплаты
векселя служитъ кредитоспособность
даннаго лица. Поэтому, Эймертъ
называетъ векселя „купеческими
бумажными деньгами“ (Das Papier-
geld des Kaufmanns). Слѣдовательно,

вексель — абстрактное обязательство, т. к. права изъ него, аналогично бумажнымъ деньгамъ, зависятъ отъ факта обладанія документомъ.

Ошибка Динерта заключается въ томъ, что онъ, за внешнимъ сходствомъ векселей съ бумажными деньгами, упустивъ изъ виду специфическіе особенности этихъ документовъ, думаетъ ихъ разко отличными другъ отъ друга. Такъ, векселя не свойственна принудительность обращенія, имѣющаясь у бумажныхъ денегъ. Вексель — документъ срочнаго характера, бумажныя же деньги предназначены для неограниченной циркуляціи среди населенія и по возвращеніи

въ государственную кассу, поступаютъ въ обращеніе вновь, Переходъ векселя изъ рукъ въ руки совершается по инымъ правиламъ, какъ переходъ бумажныхъ денегъ. Бумажные деньги, наконецъ, не знаютъ ни срока платежа, ни протеста, ни регресса, ни многихъ другихъ особенностей, свойственныхъ векселю и отличающихъ его отъ бумажныхъ денегъ.

Не смотря на ошибки Зинерта, его теорія нашла многихъ почитателей и, по выраженію немецкаго юриста Кунице, создала эпоху въ юридической литературѣ, т. к. воздвигнула совершенно новые методы изслѣдованія юридической

природы векселя, Историческое значение теории Эйхерта ощущается и теперь, т. к. Эйхертъ съ большою определенностью для своего времени указалъ на два существенныхъ момента вексельнаго обязательства: на абстрактность и формальность векселя, изъ которыхъ особенно второе свойство векселя упускалось до того времени изъ виду. Для полнаго уясненія характера вексельнаго обязательства необходимо, какъ находить Эйхертъ, принимать во вниманіе и волю законодателя, которая въ формѣ постановленій вексельнаго права опредѣляетъ порядокъ созданія векселя, значеніе этого документа, его обращаемость,

способы оплаты и т. д.; при посредстве воли законодателя, выразившейся во законе, только и возможно объяснить весь особенный характер вексельного отношения; его абстрактный и формальный характер.

Другими выдающимися представителями немецкой юридической литературы о векселе является Кунце, который также как и Эйхертъ, стоит на креационной точке зрения, отрицающей договорный характер и признающей, что вексель создается во силу одностороннего акта воли и изъявления. Обязанность платить по векселю возникает во силу

одностороннего действия, одностороннего составления векселя. Для подтверждения своей мысли Кунице ссылается на тот факт, что вексельное обязательство возникает даже и в том случае, когда подписанный вексель по каким-либо причинам выводится из обладания составителя векселя против его воли (в случае, напр., кражи векселя). Такъ воръ приобретаетъ право требованія по векселю украденному у векселеподписателя, то, следовательно, не можетъ быть и речи в данномъ случае о договорномъ характеръ вексельнаго обязательства. Ошибка теории Кунице, которую онъ самъ назвалъ,

въ отличие отъ креационной теоріи
Дюнента, „Die reine Kreationstheorie“,
состоитъ въ томъ, что Курце
упустилъ изъ виду значеніе воли
законодателя, опредѣляющей ка-
рактерь вексельныхъ отношеній.
Обязанность платитъ по украден-
ному векселю возникаетъ у вексель-
дателя не въ силу договора, обычно
лежащаго въ основѣ вексельнаго
обязательства и заключаемаго
между участниками вексельнаго
отношенія, каковой договоръ въ
данномъ случаѣ действительно
отсутствуетъ, и не въ силу одно-
сторонняго акта волеизъявленія
составителя векселя, какъ полагаетъ
Курце, а въ силу закона, который

связывается съ извѣстными поло-
женіемъ вещей презюмиціо нали-
мости договора.

Одно написаніе векселя не
создаетъ еще вексельнаго обяза-
тельства, и не даетъ права требо-
ванія по векселю лицу, на имя
котораго вексель составленъ,
Для установленія вексельнаго
отношенія, кромѣ написанія век-
селя необходимо еще какое-то
дѣйствіе; этимъ дѣйствіемъ
будетъ передача векселя должнику,
контъ кредитору и, слѣд., принятіе
векселя варителемъ, т. е. необходимо
нашия договора.

Развивая последовательно свою
теорію и распространяя ея на

Другие случаи установления вексельных отношений, Кунице не могъ не придти и самъ къ ко- нечному выводу, что одного составления векселя еще недоста- точно для вексельнаго обяза- тельства и принужденъ былъ въ концѣ концовъ признать, что нормально одинъ фактъ написа- ния векселя еще не вызываетъ юридическаго эффекта и что существеннымъ моментомъ вексель- наго обязательства является передача векселя, каковымъ призна- ниемъ Кунице становится во проти- ворѣе съ собственной теоріей и переходитъ на договорную точку зрѣнія.

Модификаціей теоріи Кунце является „теорія респондентности“ Грюн-гута (Redlichkeitstheorie), которой, отвергая значение водачи векселя, считает достаточнымъ для установленія вексельнаго отношенія переходъ векселя въ руки формально легитимированнаго добросовѣстнаго законнаго владельца, независимо отъ того, какимъ путемъ вексель къ послѣднему дошелъ. III. одр., написанный вексель можетъ вызвать обязательство даже тогда, когда онъ потерянъ писателемъ, украденъ у него, или какъ-нибудь иначе безъ его воли вышелъ изъ его владѣнія, но при условіи только, что онъ попадетъ,

при дальнѣйшемъ обращеніи доку-
мента, въ руки лица, не знающаго
о такомъ незаконномъ возникно-
веніи циркуляціи векселя.

Теорія Гронгута находится
въ противорѣчіи съ постановле-
ніями дѣйствующихъ вексельныхъ
законодательствъ (въ томъ числѣ
и русскаго, ст. 15 вексельнаго уста-
ва 1902 г.): для пріобрѣтенія права
требованія по векселю первымъ
векселепріобрѣтателемъ не доста-
точно еще, чтобы онъ пріобрѣлъ
вексель добросовѣстно; нужно,
чтобы вексель былъ ему переданъ
векселедателемъ.

Stobbe, Jolly, Windscheid и др.
водвинули т. наз. теорію эмиссіи

(Emissionstheorie), согласно которой для обоснования вексельного обязательства нужны все условия договора; оно возникает из одностороннего действия вексельного должника, который, с одной стороны, составляет документ, а с другой, — выпускает (эмиция) его в обращение, как и выражает одностороннее свое волепринятие на себя обязательство. Ошибка этой теории в том, что одно написание векселя, без его эмиции, еще не вызывает никакого юридического эффекта; вексель, находясь в руках векселедателя, еще не имеет кредитора; обязательства ^{этого} без кредитора — не

существуетъ. Съ другой стороны, недостаточно еще и факта эмиссии векселя для возникновения вексельнаго отношенія; нужно, чтобы, къ эмиссии присоединилась еще одинъ фактъ — принятіе векселя со стороны первого его приобретателя, желающаго сдѣлаться кредиторомъ.

Положи сопряженности ея теоріей эмиссии именовъ теоріей односторонняго обязанія Зигеля.

По мнѣнію Зигеля, основаніемъ вексельной обязанности является написаніе векселя, и только написаніе, т. е., актъ, простое одностороннее волеизъявленіе. Это — основное положеніе. Но,

кроме того, — находитъ Зигель, —
нужно разширить возникновение
обязательства и приобретение имъ
силы. Возникаетъ обязательство
съ момента составления документа,
но становится действительнымъ
лишь съ момента перехода его
въ руки лица, могущаго съдѣлать
управомоченный по векселю.

III. обр., последовательно разви-
вая точку зрѣнія Зигеля, необходимо
придется придти къ абсурдному
выводу, что существуетъ своеобраз-
ная категорія обязательствъ,
которые существуютъ и вполне
действительны, но не имѣютъ
силы, что противорѣчитъ эле-
ментарной природѣ обязательствъ

вообще. Вексель, составленный и сохраняющийся еще в руках векселеписателя, еще не создает обязательства, что явствует между прочим из того, что автор векселя может в любое время уничтожить документ; только передача векселя в руки векселепринимателя создает вексельную обязанность, являющаяся моментом ее установления.

Весьма оригинальная теория была выдвинута Фолькмаром и Лёви, — это т. наз. теория персонификации (Personificationstheorie), согласно которой сам вексель, документ, является настоящим кредитором, субъектом

права, которому принадлежит право
требования; векселедержатель же
является лишь представителем —
репрезентантом векселя — кредитора.

Абсурдность этой теории уже
очевидна сама по себе. Вексель, доку-
мент, бумага не может быть
субъектом права. Разъ вексель
является частью имущества
держателя его, то не может быть
он субъектом права, также как
не может быть субъектом права
животное или неодушевленный
предмет. Теория персонификации
находится въ грубомъ противорѣчій
съ элементарными юридическими
понятіями о субъектѣ права и
дѣйствительномъ положеніемъ вещей.

Среднее положеніе между креационными и договорными теоріями, обосновывающими вексельное обязательство, занимает теорія "доставленія собственности" (Eigenthumstheorie) Лемана.

По мнѣнію Лемана, для возникновенія вексельнаго обязательства нѣтъ нужды въ заключеніи договора, достаточно какого-либо юридическаго акта, способнаго доставить другому лицу собственность на бумагу-вексель, при чемъ ближайшими образомъ Леманъ не опредѣляетъ, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ актомъ. Если признавать подъ этимъ актомъ передачу векселя отъ векселедателя вексельпріобрѣ-

таким образом, следовательно, принятие последним документа, то приходится признать, что в основу вексельной обязанности лежит договор.

III. обр., леманз внадаема въ противоразіе съ самимъ собою.

III. обр., какъ мы видимъ изъ приведеннаго разбора креационныхъ теорій, послѣдніе не въ состояніи дать юридически правельнаго обоснованія вексельнаго обязательства, безсмысленно объясняютъ природу векселя. Въ своихъ концепціяхъ творцы креационныхъ теорій сплошь и рядомъ приходили къ абсурднымъ выводамъ (напр. Personificationstheorie), стоявшимъ въ грубомъ противоразіи съ реальною

жизнью и действующими вексельными законодательствами, и в последовательном процессе мышления нередко принуждены были сходиться с почвой одностороннего волеизъявления и вставать на точку зрения договора. Однако, при всей ошибочности креационных теорий, за последними имеется и доля правды. Французский юрист Родуэн говорит: „обязательства в жизни возникают или прямо из воли частных лиц, или из воли законодателя. Воля законодателя и в первом случае, т. е. при возникновении обязательств из воли частных лиц, дает свою санкцию уста-

является права; во втором же случае законодатель предписывает непосредственное появление обязательства, не обращая внимания на отсутствующую или противную волю заинтересованного лица. Т. обр., обязательства возникают из двух главных источников: воли лица и воли законодателя. (Rodière, *La règle de droit*).

Креационная теория, отрицая договорный характер вексельного обязательства, придает т. обр. первенствующее значение воле законодателя. Обязательство возникает, как только есть налицо факт, предусмотренный законом: вексель, как письменный

документъ. Поэтому вехельное обя-
зательство возникает даже
тогда, когда созданный лицом
документъ попадаетъ въ обраще-
нiе помимо воли его составителя.
Воля лица можетъ совершить не
участвовать въ возникновенiи
обязательства, она участво-
вала лишь въ неименованномъ юри-
дическомъ значенiи фактъ - въ на-
писанiи известной обязательствен-
ной формулы, въ актъ мезатимес-
кого характера. И все-таки обя-
зательство возникаетъ въ силу
закона. Поэтому креационный
теорiи, тамъ, гдѣ она имѣетъ
дѣло съ вехельми, вышедшими изъ
рукъ ихъ составителей помимо

воли (напр., кража, утеря векселя и т. д.), даются правильно концепции обоснования вексельного обязательства, т. к. в подобных случаях обязанность платить по векселю действительно возникает по инициативе должника, которого нет, а из законной презумпции наличия договора, следовательно, из воли законодателя. Однако случаи выхода векселя из рук его составителя против воли последнего в вексельном обращении составляют исключение; нормально вексельное обязательство устанавливается в силу воли составителя его, передаточного векселя векселеприобретателем. Один факт написания

векселя может еще и не выразить
воли стороны принять на себя
обязанность изъ векселя. Нужно
еще какой-то фактъ, который
выразилъ бы волю стороны обязаться,
по векселю. Написанный вексель,
остающийся лежать въ бумаж-
никъ его автора, не порождаетъ
обязательства, т. к. одного закона
недостаточно для возникновенія
такового. Нужно еще, чтобы одно
лицо выразило волю обязаться,
т. е. передало вексель, а другое
изъявило согласие на принятіе
требованія - приняло вексель.
Нужно, т. отр., договоръ, стегенію
двухъ частныхъ волей, санкціо-
нируемый закономъ.

Поэтому, крайности креаци-
онных теорій отвергаются
другимъ направлениемъ въ век-
сельной литературѣ, стоящимъ
на договорной точкѣ зрѣнія
объясненія характера вексельнаго
обязательства. Договорная
теорія, выдвигавшая предста-
вителемъ которой является
нѣмецкій юристъ Thöl, не счи-
таютъ возможнымъ совершенно
изгнать идею договора, какъ фак-
та, вліяющаго на взаимныя
отношенія векселеучастниковъ,
не считаютъ возможнымъ обос-
новать возникновеніе вексельнаго
обязательства однимъ лишь фак-
томъ механическаго созданія

вексельного документа. Нужно, чтобы
къ нему присоединилась такъ или
иначе выраженная авторомъ доку-
мента воля принять на себя обя-
зательство: въ формахъ, напр.,
передачи векселя. Нужно, дакъ,
чтобы такое волеизъявление было
принято къ вѣдѣнью; т. е. необхо-
димо еще договоръ, который считается
заключеннымъ лишь тогда, когда
не только закончилисъ устные
переговоры между векселеучастни-
ками и дѣйствія по написанно
векселя, но и написанной век-
сель переданъ изъ рукъ въ руки.
Такой взглядъ господствуетъ въ
настоящее время въ юридической
литературѣ и соответствуетъ

реальному положению вещей и международному вексельному законодательству. В частности, и русский вексельный устав (ст. 15) 1902 года требует, чтобы „вексель, для вступления его в силу в отношении к первоначальному приобретателю, более выданъ ему векселедателемъ.“

Thöl поэтому совершенно правильно находитъ, что само по себе написание документа еще не обязываетъ промиттента, — нужно еще, чтобы отъ выразивъ своего волю принять на себя обязательство согласно содержанию документа, что достигается посредством передачи векселя; когда

переданной документъ будетъ контрагентомъ принять, этимъ сторона эта выразитъ свое согласие сдѣлаться кредиторомъ по векселю. Договоръ заключается, следовательно, по посредству отдачи документа, съ одной, — и получения его, съ другой стороны.

Передача документа должна быть произведена съ намерениемъ основать этимъ вексельный договоръ. Такая воля, однако, не требуетъ доказательства: она предполагается, если вексель переданъ и взятъ. Самый фактъ передачи также не требуетъ доказательства: онъ предполагается состоявшимся, если то лицо,

которое обозначено въ векселе въ
качества кредитора, держитъ
вексель.

III. обр., фактъ заключенія
договора, который обоснованъ
яется вексельное обязательство,
лежитъ въ векселе. Поэтому,
для доказательства этого факта
существуетъ законная презумпція,
что договоръ считается действитель-
тельно заключеннымъ, если бу-
мага находится въ рукахъ лица,
легитимированого векселемъ въ
качества кредитора. Эта презумп-
ція основывается на томъ сообра-
женіи, что въ большинствѣ
случаевъ вексель действительно
находится въ рукахъ его держат-

меня въ силу передачи его векселедателемъ. Эта презумпція въ русскомъ уставѣ выражена въ ст. 16-ой.

Договорная теорія Thöl'а принята многими выдающимися юристами (Блунгли, Регельсбергеръ, Зомъ, Голодшмидтъ и др.) и совершенно правильно подходит къ вопросу, успѣшно объясняя природу вексельнаго обязательства, покуда мы имеемъ дело съ векселемъ безъ индоссамента, покуда въ вексельномъ отношеніи участвуютъ только векселедатель, векселедержатель и акцептантъ. Но положеніе ея становится затруднительнымъ, какъ только

въ отношеніе выходятъ надписателъ
договорная теорія Thöl'я впадаетъ
въ затрудненіе и тогда, когда
приходится объяснить, почему
можно отвратить векселедателя
передъ добросовѣстнымъ векселе-
держателемъ, который приобрѣлъ
вексель не отъ него и который
не желаетъ считаться съ тѣмъ
фактомъ, что вексель выскольз-
нулъ изъ рукъ векселедателя
помимо или вопреки его воли.
Недостатокъ теоріи Thöl'я въ
томъ и заключается, что онъ
становится на чисто договор-
ную точку зрѣнія и упускаетъ
изъ вниманія значеніе законода-
тельной воли, оказывающей

Большое влияние на характер отношений контрагентов Wechselнаго обязательства. По этой причине Пейль и не в состоянии объяснить особенностей отношений Wechselдателя къ индоссатанъ, съ которыми онъ вродь договора не заключалъ, и по отношенію къ которому онъ не вправе, напр., дѣлать тѣхъ возраженій, которая имѣются противъ перваго Wechselпріобрѣтателя и которая вытекаютъ изъ изъ непосредственныхъ отношений.

По договору можно передать другому только тѣ права, которыми мы сами имѣемъ. — „Nemo

plus juris ad alium transferre potest quam ipse habet." Если право первого векселеприобретателя при осуществлении подлежало к.-л. возражениям, то этому векселеприобретателю — с точки зрения чисто договорной теории — не мог бы передать свое право во втором виде: и у последующего держателя векселя оно подлежало бы возражениям. Между тем по индоссаменту нельзя противопоставить возражений *ex persona indossantis*: его право свободно отъ возражений, оно является какъ-бы болѣе широкимъ, чѣмъ право его предшественника. Это различие въ правахъ, которое освобождает

дано, что через индоссаментъ отъ „порочавъ“ вексельнаго требованія, объясняется въ данномъ случаѣ активный воздѣйствіемъ на вексельное отношеніе воли законодателя, которая независимо отъ воли частныхъ лицъ, опредѣляется отношеніемъ послѣднихъ. Коренная ошибка договорной теоріи въ томъ и заключается, что она пытается все объяснить при помощи лишь воли частныхъ лицъ, договора, не считаясь и не заботясь о воле законодателя.

Сторонники договорной теоріи, въ частности, Thöl, пытались объяснить самостоятельность

право индоссата только, что раз-
сматривали индоссаментъ, какъ
новое самостоятельное вексельное
обязательство, возникшее въ
преступнѣй вексель. Вексельпріобрѣ-
татель, вмѣсто того чтобы
выдать новый вексель, пользуется
имѣющимся у него вексельнымъ
обязательствомъ его должника
и по передаточной надписи пере-
даетъ этотъ вексель индоссату.
Права индоссата совершенно
независятъ поэтому отъ правъ
по векселю его предшественника
— индоссанта, а векселедатель
не вправе выдвигать противъ
получающаго вексельпріобрѣта-
теля возраженія, которой отъ

иметь противъ первого векселепріобрѣтателя. При всей правильности приведенной мысли, объявляющей самостоятельность правъ-обязательствъ каждаго векселеучастника, эта концепція все-таки не обходится, почему въ новомъ обязательствѣ, воплощенномъ въ старой вексель, сохраняется связь между ветви ответственности по векселу и лицами; почему главнымъ должникомъ остается все-таки векселедатель въ простомъ, и акцептантъ - въ переводномъ векселе, и недосанты же являются лишь въ роли гарантовъ; почему вексельный должникъ обязанъ платитъ по закону и тогда,

когда вексель перешелъ къ индоссаату
недобросовѣстными путемъ, напр.
въ случаѣ подлога въ одномъ изъ
индоссаментовъ, когда след., не
можетъ быть и рѣчи о договорѣ
и т. д. Ясно, что одно согласие
нѣ составляетъ лишь, лишь свобод-
ное волеизъявленіе, для этого недо-
статочно; нужно, чтобы къ нему
присоединилась еще какой-то
факторъ, который и опредѣляетъ
бы характеръ вексельнаго отно-
шенія. Такимъ факторомъ и
является законъ, безъ котораго
невозможно никакое обязательство
и который сообщаетъ вексельно-
му обязательству весь его специ-
фическіе особенности.

Никакое, вообще, юридическое отношение не может быть мыслимо безъ наличия: а — известнаго факта, и б — закона, вызывающаго съ этимъ фактомъ известныя юридическія послѣдствія. Поэтому, необходимыми элементами всякаго юридическаго отношенія являются какъ фактъ, такъ и законъ. Какъ одинъ законъ самъ по себѣ не можетъ создать юридическаго отношенія, такъ и одинъ фактъ, безъ содѣйствія закона, не можетъ вызвать юридическія послѣдствія. Фактъ, составляющій необходимый элементъ юридическаго отношенія, можетъ зависеть отъ воли человѣческой или же совер-

шатся внае ея (договоръ, рожденіе, смерть и т. д.). Плотъ и другой фактъ вызываеаъ опредѣленные юридическія послѣдствія, но не сами по себѣ, а при содѣйствіи закона. Харак- теръ юридическихъ отношеній будетъ зависѣть т. оубр. отъ предъ- писаній закона.

Потому и вексельное отноше- ніе, какъ и всякое юридическое отношеніе, также можетъ воз- никнуть или устанавитсѣ только при содѣйствіи закона. И характеръ даннаго вексельнаго отношенія будетъ зависѣть отъ опредѣленій закона, обязаннаго въ силу природы самаго дѣла при- нимать во вниманіе фактическія

куто основу отношенія и соотно=
вѣствя съ него.

Въ каждомъ юридическомъ отно=
шеніи, кромѣ его фактической
основы, необходимо существуютъ
законодатель и, по крайней мѣрѣ,
2 лица: активной и пассивной
субъекты юридическаго отношенія.
Всякое юридическое отношеніе
необходимо предполагаетъ наличие
этихъ элементовъ. Гдѣ нѣтъ хотя
бы одного изъ нихъ, не можетъ
быть и юридическаго отношенія.

Разсматривая тѣ или иные
группы юридическыхъ отношеній,
въ частности, вексельныхъ, мы
видимъ, что въ однихъ отноше=
ніяхъ явную, преимущественную

роль играет воля частного лица — контрагентов; закон отвечает на задний план; в других, наоборот, воля законодателя подчиняется себе воле частного лица. Одним словом, принятая во внимание степень участия воли законодателя и воли частного лица в создании юридических отношений и абстрагируя мало существенный элемент, можно сказать, что одни отношения возникают из воли законодателя (*ex lege*), другие — из воли частного лица.

Исходя из вышеизложенного становится понятно почему явной и очевидной ошибкой договорной теории, которая

рыя, въ противоболье креаціонныя
теоріямъ, стараются объявить
въ вѣсельномъ обязательствѣ
все договорамъ и импорируютъ
закономъ, какъ необходимый фак-
торъ возникновенія обязательства,
въ томъ числѣ и вѣсельномъ.

Принимая во вниманіе, что
вѣсельное обязательство нормально
возникаетъ изъ соглашенія двухъ
или нѣсколькихъ лицъ, можно, при
нормальномъ степеніи обстоятельствъ
и при оставленіи безъ вниманія
роли закона и въ данномъ случаѣ
выступающаго вполнѣ активно,
сказать, что вѣсельное обязатель-
ство возникло въ послѣднемъ случаѣ
изъ договора. Наоборотъ, беря

тъ или иное ея ея установлен-
нїя, вексельныхъ отношенїй неза-
висимо отъ соглашенїя сторонъ,
напр. кража векселя, мы принуж-
дены будемъ признать, что въ
последнемъ ея вексельное обя-
зательство возникло изъ закона,
связывающаго определенную терри-
торїю послѣдствїя съ тѣмъ или
инымъ фактическимъ положенїемъ
вещей, независимо и даже вопреки
воле частныхъ лицъ. Вполнѣ
понятнымъ должно быть поэто-
му же и послѣдствїя передачи
векселя по индоссаменту, резко
отличающїяся отъ послѣдствїй,
напр., при передачѣ требованїй по
обязательственной цессїи; специ-

философскій характеръ правоотношеній
участвующихъ въ векселяхъ лишь
въ процессъ циркуляціи векселя
по индоссаменту изъ рукъ въ руки;
характеръ защиты вексельныхъ
правъ посредствомъ иска, и многія
другія особенности отношеній
изъ векселей, исчерпывающе пере-
писать которыхъ здѣсь не пред-
ставляется возможнымъ, каковыя
черты вексельнаго обязательства
не могутъ быть обделены ни
природою договора, изъ котораго
вытекаетъ вексельное обязательство,
ни природою „односторонняго воле-
изъявленія“, какъ креационнаго
акта созданія векселя, а являются
результатомъ предписаній закона,

воли законодателя, создающей
силу для волеизъявлений частного
лица, определяющей характер
отношений контрагентов, и во
многих случаях даже совершенно
отменяющей на задний план
волю частного лица. Безъ за-
кона въ широкомъ смысле мы
не сможемъ понять юридической при-
роды вексельнаго обязательства,
не сможемъ обосновать его или
опредѣлить внутреннюю необходи-
мость его юридической защиты;
законъ не есть внѣшній фактъ
по отношенію къ юридической
природѣ вексельнаго или иного
института, а его истинный
первъ.

Потребности оборота создали вексель. Потребности жизни заставили законодателя признать за этим документом юридическую силу. Методичкомъ вексельного отношенія потому, какъ и всякаго юридическаго отношенія, является не частная воля сама по себѣ, а санкціонированная закономъ воля. Вексельное обязательство имѣетъ договорно-легальный характеръ, и возникновеніе его — договорно-легальное.

III. Виды векселей: простой и переводный
Свойства вексельнаго обязательства.

Русскій вексельный уставъ 1902 г.

также какъ и многостранной верз
сельной законодательства, знаетъ
два типа векселей; вексели прое-
тве и переводные, инаго трамты.
„Вексели могутъ быть или простые,
или переводные (ст. 1 устава).
И простой, и переводной вексели
не есть два совершенно различ-
ныхъ института, ничего общаго
между собою не имющіе; наоборотъ,
- и тотъ, и другой видъ
векселей находятся въ тесной
зависимости одинъ отъ другого,
имѣютъ много общихъ чертъ, и
наблюдаемое между ними различ-
іе въ известномъ смысле
даже совершенно стирается. По-
этому съ полнотой правоты можно

сказать, что простой и переводный векселя представляют в совокупности одинъ институтъ, обладающій двойственнымъ характеромъ. И при простомъ, и переводномъ векселе имеемъ мы дело съ обязательствомъ; причемъ, определяя бланкъ простой вексель есть безусловное обязательство плательщика, а переводный — плательщикомъ приказъ другому лицу, содержащій въ себѣ обязательство уплаты, если приказъ этотъ не будетъ акцептированъ трассатомъ, следовательно, — условное обязательство плательщика, въ качествѣ гарантіи за исполнимость обязательства со стороны

ны акцептанта. На этом основании, поскольку между этими и другими видами векселей наблюдается сходство и точки соприкосновения, постольку „правила о простых вексельных обязательствах и о векселях переводных“ (ст. 1 устава).

Постой вексель по русскому вексельному уставу (ст. 3) должен заключать в себя следующие реквизиты: 1) обозначение места и времени составления векселя; 2) наименование акта, в текст его, словом „вексель“ - вексельная мутька; 3) безусловное заявление векселедателя, в текст векселя, что он обязуется платежом по векселю;

- 4) означеніе первого векселепріобрѣтателя;
- 5) означеніе подлежащей платежу денежной суммы;
- 6) означеніе срока платежа, и
- 7) подпись векселедателя.

Кромѣ этихъ реквизитовъ, къ существеннымъ принадлежностямъ векселя относится и написаніе его на установленной гербовой бумагѣ.

Отсутствіе въ текстъ векселя одной изъ перечисленныхъ принадлежностей его, равно какъ и нарушеніе требованій о гербовой бумагѣ, влечетъ за собою недействительность акта, какъ векселя, Ст. 14 вексельнаго устава гласитъ, что „актъ не удовлетворяющій формѣ

бы одному изъ требований, указаннымъ въ статьяхъ 3-5 и т.д., не почитается векселемъ и признаннымъ на такомъ акте подписи и надписи не имеютъ вексельной силы. Такой же силы не имеютъ и подписанный бланкъ вексельной бумаги, пока такой бланкъ не заполненъ указаннымъ въ ст. 3 содержаниемъ векселя". III. абр., русский уставъ допускаетъ выдачу и т. наз. "бланковекселей", приобретающихъ значеніе векселя лишь съ момента заполнения имъ текстомъ, и по своему характеру приближающихся къ "векселямъ на-предъявителю", наемимъ законодательствомъ запрещеннымъ.

Что касается до переводного
векселя, то, согласно ст. 86 в. устава,
онъ долженъ заключать въ
себѣ, помимо реквизитовъ простого
векселя (за исключеніемъ значащихся
въ п. н. 34 ст. 3): означеніе мѣста
платежа или мѣста жительства
плательщика, наименованіе пла-
тельщика по вексело-трассатѣ,
и первого приобретателя, и, наконецъ,
означеніе приказа трассату
произвести платежъ.

Уже изъ приведеннаго перечис-
ленія реквизитовъ векселя можно
убѣдиться въ большомъ вышкленіи
содержанія простого векселя съ пере-
воднымъ; это содержаніе еще болѣе
увеличится, если перейдемъ къ

разсмотрѣно внутренняго содержания правъ и обязанностей, вытекающихъ изъ вексельнаго обязательства. Это сходство при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ достигнуть наивысшей степени и стереть совершенно всякое различіе, существующее между простымъ векселемъ и траттой; послѣднее мы будемъ имѣть, напр., въ томъ случаѣ, когда переводной вексель трансирруется векселедателемъ на самого себя: въ этомъ случаѣ переводной вексель превращается по внутреннему своему содержанию въ простой.

Сопоставляя сходныя и различныя черты въ простомъ и

переводного векселя, мы видим прежде всего, что в простом векселе участвует по меньшей мере 2 лица, тогда как в переводном их обычно не менее 3. Далее, ответственность векселедателя по простому векселю несколько иная, чем ответственность трассанта в переводном. Векселедатель выдает простому векселю принимает на себя безусловную обязанность заплатить известной суммы, между тем как трассант, выдает вексель, принимает на себя ответственность за акцепт, т. е. за возникновение обязательства трассанта и за платеж или по векселю,

Следовательно, уже в момент выдачи простой вексель имеет прямого должника, переводной же вексель, пока нет акцепта, такого должника не имеет; он имеет лишь должника-поручителя в том, что касается акцепта, а за него и платится. Плательщик простого векселя - векселедатель - уже связан и обязан к плательцу по своему векселю, плательщик же переводного векселя - траассант - не связан и не обязан плательцу сумми нужного для него векселя.

В случае передачи простого векселя от ретитента новому векселедержателю, ретитент

становится индоссантом, т. е. поручителем за платеж по векселю; переводной вексель акцептован банком, трассантом - акцептантом, т. обр., чужой вексель превращается в свое собственное обязательство. III. обр., через индоссантом простой вексель приобретает свойства векселя переводного (чужо акцептованного); через акцепт переводной вексель приобретает свойства простого векселя (индоссированного): разница, существовавшая между простотой и переводным векселем в момент выдачи, исчезла.

Переходя к выяснению свойств вексельного обязательства, уместно привести определение векселя,

даваемое проф. Шершеневичем, который говорит, что "вексель есть основное на договоры и выраженное в письменной форме абстрактное одностороннее обязательство заплата денежную сумму." Это определение, следовательно, характеризует вексельное обязательство, как: 1) договорное, 2) абстрактное, 3) формальное, 4) одностороннее, и денежное.

1. Вексель-обязательство договорное.

Что вексельное обязательство возникает нормально из договора, об этом с достаточной подробностью выяснено выше. Остается лишь рассмотреть, насколько

договорная точка зрѣній обоснованія
вексельнаго обязательства отразилась
въ дѣйствующемъ правѣ, въ данномъ
случаѣ - въ русскомъ вексельномъ законѣ
подательствѣ.

Согласно ст. 15 вексельнаго уста-
ва, „Вексель, для вступленія его въ
силу въ отношеніи къ первому
пріобрѣтателю, долженъ быть
воданъ ему векселедателемъ“. III. отр.,
моментомъ записанія вексельнаго
обязательства являея моментъ
вѣданія векселя, Это правило имѣетъ
силу и по отношенію къ индосе-
санту, т. к. каждой индосеантъ
рассматриваея какъ новый век-
селедатель по отношенію къ
своему индосеанту (ст. 28). Это

это правило иговеть силу и для акцентанта, т. к. акцентантъ принимаетъ по русскому уставу обязанность не однимъ лишь фактомъ подписанія векселя (какъ, напр., въ Германіи), а передачею векселя съ неразрѣзаннымъ акцентомъ (ст. 95). Точно такъ же поручитель и посредникъ за гестъ обязываются по векселю только послѣ выдачи векселя, т. к. каждое лицо, дающее свою подпись на вексель, разсматривается, какъ уже сказано выше, въ качествѣ самостоятельнаго вексельнаго должника, въ качествѣ самостоятельнаго векселедателя,

Однако, для возникновенія вексельнаго обязательства недостаетъ

= только одной механической выдачей
 векселя изъ рукъ въ руки; нужно,
 чтобы выдача эта сопровождалась
 намерениемъ векселеурастижковъ
 установить вексельные обязательства,
 — намерениемъ со стороны
 векселедателя принять на себя
 обязательство платежа по век-
 селю и намерениемъ первого век-
 селепріобрѣтателя сдѣлаться век-
 сельнымъ кредиторомъ. Поэтому,
 потеря владѣнія векселемъ со сто-
 роны векселедателя противъ своей
 воли (пропажа документа, кража
 и т. д.), т. е. когда выдачи фак-
 тически не состоялось, вексельная
 обязательства не создается, за иск-
 лочениемъ или же случая, когда

такой вексель (бланковексель) инициатор, нашедшимъ или укравшимъ его, по передаточной надписи будетъ переданъ добросовѣстному инициатору, ничего не знающему о способѣ приобретения векселя со стороны инициатора (ст. 16).

Точно также не можетъ возникнуть вексельнаго обязательства и въ томъ случаѣ, если векселедатель выдалъ вексель не съ цѣлью обязать ся по нему, а съ иною цѣлью, напр. для учета въ банкѣ, — въ послѣднемъ случаѣ выдана вексель состояла, но отсутствуетъ намереніе, сознательная воля векселедателя принять на себя обязательства. На такой, именно, точкѣ зрѣнія стояла

кассационная практика Правительствующаго Сената. Для установленія вексельнаго обязательства необходима, т. обр., сознательная воля выдача векселя первому его приобретателю, сопровождающаяся намерением принять на себя платежи по векселю.

2. Вексель — обязательство абстрактное.

Под абстрактностью вексельнаго обязательства понимается его оторванность отъ юридическаго отношения — causa. Въ силу этого, должникъ по векселю обязанъ платить только потому, что онъ выдалъ вексель и совершенно независимо отъ того, получилъ ли онъ

за вексель валюту или нквт. III. обр., лежащее въ основѣ векселя отноше- ние не имѣетъ, съ формальной стороны, никакого влiянiя на вексель. Абстракцiя отъ основанiя, сама, приводитъ къ тому, что вексельное требованiе можетъ быть осуществлено безъ объясненiя его causa. Causa вексельнаго обязательства лежитъ, т. обр., внѣ векселя; вексельное обязательство отдѣлено отъ его causa.

Однако, абстрактность век- селя не имѣетъ абсолютнаго ха- рактера, она принимаетъ раз- личное значенiе въ зависимости отъ того, кто въ вексельномъ отно- шенiи сталкивается; векселедатель

и первый приобретатель или
пользующийся его держателем по пере-
даточной надписи.

Такъ, если векселедержатель
предъявит искъ къ своему непре-
дественному предшественнику,
то онъ не обязанъ раскрывать
свои отношенія къ нему: одного
факта держанія векселя достато-
чно, чтобы обосновать его претен-
зію. Въ этомъ и заключается
мысль „абстракціи“ векселя отъ
его causa. Абстракція эта и есть,
смысловательно, типъ процессуальной
значенія. Однако, эта же абстракт-
ность правоотношенія не лишаетъ
должника права предъявлять противъ
иска возраженія, основанныя на

отсутствіи или недостаточности
юридическаго основанія, — т. наз.
„спору о безденежности векселя
или о непоплатѣ валюты.“ Трав-
нательствующій Сенатъ по этому
поводу неоднократно высказывался
въ своихъ рѣшеніяхъ, что, „такъ
какъ содержаніе всякаго акта
можетъ быть опровергаемо на
судѣ, кромѣ именно указанныхъ въ
законѣ случаевъ (ст. 2015 т. Xz. I), и
въ виду отсутствія такого ограни-
ченія въ законѣ относительно
векселей, споръ о безденежности
векселя или о непоплатѣ валюты
противъ перваго векселяпріобрѣтателя
закономъ не воспрещается.“

III. обр., абстрактность векселя

по отношенію къ непосредственности участникомъ вексельнаго отношенія, имѣетъ важное процессуальное значеніе. При предьявленіи возраженій со стороны должника должно рѣшаться не на основаніи „слова и формы“ векселя, а по соображеніямъ о дѣйствительныхъ отношеніяхъ между должникомъ и его непосредственными кредиторами.

Для лицъ, не находящихся въ непосредственныхъ отношеніяхъ, зависимость вексельнаго обязательства и права требованія отъ самаго должника имѣетъ иной характеръ. По общему правилу, вексельный должникъ не вправе предьявлять возраженій, вытекающихъ изъ отношеній его

къ какому-либо изъ прежнихъ
векселедержателей. Обязанное по
векселю лицо отвѣчается передъ
всѣмиъ последующимиъ векселе-
держателями въ силу одного того
факта, что вексель находится
въ его рукахъ. Отвѣтственность
опредѣляется только содержаниемъ
векселя, его „словомъ и формой“. Век-
селеприобрѣтатель, передавая вексель,
передаетъ последующему векселедер-
жателю не свое только право
требованія, а право самостоятель-
ное, определенное содержаниемъ
векселя (рѣш. 4 деп. Сен. 90/903). Право,
принадлежащее первому прибрѣтате-
лю векселя, можетъ на дѣлѣ ока-
заться ничтожнымъ, при доказатель-

ство безвалютности перехода векселя, или ограничено к-л. особыми договорными отношениями непосредственных векселедержателей.

И, однако-же, при дальнейшей циркуляции векселя все эти недостатки векселя исчезают: требование перестает зависеть от лежащих в основе векселя отношений, становится абстрактным. Но, абстрактность эта имеет уже иной смысл, чем абстрактность требования в отношениях между непосредственными участниками векселя. Эта усиленная абстрактность требует интереса оборота: желания поднять циркуляционную способность

векселя и охранить интересы
каждого векселеприобретателя.
Если бы каждому векселедержателю
можно было противопоставлять
недостатки курса изъ отношений
нѣй между векселеучастниками,
съ которыми онъ непосредствен-
но не соприкасается, отношений,
которыхъ онъ часто не въ состо-
янии знать, т. к. они не оставя-
ются всегда на документахъ, то едва
ли бы нашлось лицо, желающее
приобрести такой вексель. При
такихъ условияхъ такой вексель
не могъ бы такъ легко обращаться,
какъ того требуетъ хозяйственный
оборотъ. Поэтому, говоритъ Носенко
(„Вексельные уставы“), „расчеты

векселедателя съ первоначальнымъ
векселепріобрѣтателемъ, а равно
сдѣлки и расчеты векселедателя
съ однимъ изъ предше^тствующихъ
надписателей и учета по век-
селю, не могутъ касаться прави-
льнаго векселедержателя, если вексель
правильно и сохраняется вѣрно...
Несовершенство отъ первоначальнаго
векселепріобрѣтателя къ векселе-
дателю вальоты, буде сіе доказано,
и отъ него послѣдній понесетъ убыт-
ки, даетъ векселедателю основа-
ніе ко взысканію съ первоначаль-
наго векселепріобрѣтателя убытковъ,
но отнюдь не избавляетъ его отъ
отвѣтственности передъ прави-
льнымъ держателемъ векселя. (Рѣшеніе)

Сената). Поэтому, „противъ пра-
вильнаго векселедержателя возра-
женіе о безденежности, какъ выте-
кающее изъ расчетовъ съ перво-
начальнымъ приобретателемъ
векселя, не имѣетъ значенія“ (Носенко).

Въ одномъ изъ своихъ решенийъ
кассационный департаментъ Сената
(96/121) высказался, что противъ
добросовѣстнаго векселедержателя,
приобрѣтшаго вексель въ собствен-
ность по передаточной надписи,
векселедатель не можетъ защищать
возраженіемъ о ростовщическомъ
происхожденіи векселя.

По отношенію къ векселеда-
телю вексель остается векселемъ
и тогда, когда онъ не былъ опро-

тестованъ. ^АИзузненіе протеста не
обрацаетъ его въ общегражданское
обязательство, хотя подписателю
освобождаютъ отъ отвѣственности
(рѣш. Сената). Несовершеніе протеста,
т. обр., ослабляетъ силу век-
селя (ст. ст. 49 и 55), однако, вексель
сохраняетъ свою силу противъ
векселедателя и свой абстрактный
характеръ при взысканіи: при
производствѣ взысканія по непро-
тестованному, какъ и по протес-
тованному векселю, истцу нѣтъ
нужды указывать и раскрывать
взаимныя отношенія между нимъ
— первымъ приобретателемъ — и
векселедателемъ, отношенія, послуж-
ившія основаніемъ для выдачи

вексель. III. обр., упущение протеста не обращает вексель в простое обязательство, в простую долговую расписку, а влечет лишь потерю личной гарантии. Однако, зависимость вексельного требования от causa обуславливается по той же причине, какъ и при протестовании въ нештатныхъ векселяхъ.

Что абстрактность векселя имеетъ только относительное значение, это видно и изъ того, что въ некоторыхъ случаяхъ законъ (уставъ 1902. ст. 99 п. 2) возлагаетъ обязанность на ответчика раскрыть свои отношенія по поводу воедачи векселя и избавляетъ его

отъ ответственности при наличности известнаго обстоятельства. Въ случаѣ непринятія векселя и упущенія протеста, векселедатель, согласно ст. 99 п. 2, въ течение годовнаго срока со дня наступленія времени платежа по нему, остается ответственнымъ передъ векселедержателемъ въ вексельной суммѣ, въ томъ предположеніи, что онъ выдалъ вексель, получилъ авансую и воспользовался кредитомъ по векселю. Однако, раскрывъ свои отношенія по выданію векселя и доказавъ, что въ срокъ платежа онъ, векселедатель, имѣлъ утрата сама покрытіе (въ смыслъ нахожденія въ рукахъ плательщика

равнаго суммъ векселя по стоимости своей и имущества векселедателя, которыми трассанта могут бы распорядиться для оплаты векселя, или состояній его должникова векселедателя на такую же сумму, векселедатель — отвлѣтчикъ освобождается отъ ответственности.

На зависимость вексельной обязанности отъ юридическаго основанія указывается и ст. 33 устава о векселяхъ, согласно которой, ответственное по векселу лицо является таковымъ не въ силу одного лишь изъясненія своей воли въ векселе, а въ силу изъясненія воли и некоторыхъ другихъ обстоятельствъ, составляющихъ

целью то, что входит составною
частью въ понятие „юридическаго
основанія.“ Если нѣтъ этихъ
обстоятельствъ, дающихъ матеріаль-
ное обоснованіе обязательству,
отвѣтчикъ „можетъ зацѣпиться...
возраженіями, которая вытекаютъ...
изъ непосредственныхъ отношеній
означеннаго лица (т. е. отвѣт-
ственнаго по векселю лица) къ
векселедержателю (ст. 33). Такія
непосредственныя отношенія могутъ
основываться на разныхъ сдѣлкахъ
и весьма разнообразны (Каминка,
Учт. о векс., § 2 при ст. 33), III. обр.,
если обязательство не находитъ
себя опоры въ предшествующихъ
отношеніяхъ, оно становится

нигтожными.

Возражения изъ недостатковъ оснований выдачи векселя могутъ быть предъявлены не только противъ векселедержателя, непосредственно приобретшаго опорогиваемый вексель отъ векселедателя или индоссаанта, но и противъ давшийшаго векселедержателя, если онъ зналъ при приобретении векселя о недостаткахъ его и правъ на возражения на обиземъ оснований гражданскихъ законовъ противъ претянуто векселедержателя (кассацион. рѣш. 96/121).

Указаніе на необходимость добросовѣстности векселедержателя содержитъ ст. 24 устава

1902 г., где требуется знание век-
селедержателя, как доказательство
его добросовестности.

III. обр., исходя изъ всего выше-
изложеннаго, вексель не можетъ
имѣть силы и въ томъ случаѣ,
если причины, возваившіе его,
или если цѣли, преследуемыя сто-
ронами — безнравственны, противъ
ны законовъ и общественному
порядку. Вексель, выданный
ради злыхъ цѣлей, недействителен.
Ex turpi causa non oritur actio.
Недействителенъ будетъ вексель
и въ томъ случаѣ, если въ основаніи
его лежитъ законное воспрещен-
ный фактъ: ростовщичество,
вымогательство, игра, пари, перекл-

рѣшеніе имуцества во вредъ кредиторамъ и для избѣжанія платежа долговъ... Въ тѣсной связи съ недѣйствительностью векселя по недостатку или незаконности основанія находител опровержимость его по мотивамъ принужденія, ошибки и обмана при выдачѣ векселя. Сюда нужно причислить и т. наз. обезпечительные, гарантийные векселя, которые выдаются въ обезпеченіе будущаго требованія или для к.-л. иныя цѣли — во время эмитъ сургантъ выдаваемыхъ обезпечительнаго векселя можеть возразжать противъ непосредственнаго своего контрагента, при взысканіи по такому

векселью, по поводу возникших между ними при выдаче векселя отношений

3. Вексель — обязательство формальное.
Строгость векселя.

Вексель принадлежит к обязательствам, в которых соблюдение формы приобретает перво-степенное значение; вексель сохраняет свою силу только при соблюдении известной формы.

Формальный характер векселя выражается, прежде всего, в требовании письменной формы и законченного текста (ст. 3 устава). Письменность — существенное условие векселя, без которой век-

силь нать. Вексель есть письменный приказ о платежѣ (переводный вексель), или письменное обязательство платежа (простой вексель). Письменная форма требуется и для акцепта: устный акцептъ не допустимъ. Точно такъ же и всякое обязательство, если желаютъ надѣлать его вексельной силой, должно быть дано письменно на самомъ векселе; поручительство, посредничество и т. д.

Гдѣ нать письма, нать и векселя. Уничтоженіе письма гесто ведетъ къ уничтоженію вексельныхъ отношеній между сторонами. Возстановить отношенія, при гибели или потерѣ документа,

очень трудно.

Согласно ст. ст. 3 и 86 вехсельз
наго устава, „Вехсель пишется на
установленной гербовой бумаге“.
На Западе этот формализм
не проводится с такой строгостью,
как по русскому уставу; там
вехсель может быть на картоне
даже и не на бумаге, а на к-л.
другом суррогате ей; но на
Западе безусловно требуется
письменная форма вехселя.

Вехсель подписывается, подписы-
вается и акцентуется по русскому
уставу рукою. За неграмотного
на вехсели могут дать, по прозь-
бу первого, своего подписи и других
лиц, однако факт этот

нуждается въ нотаріальномъ засвидѣтельствѣваніи (ст. 9).

Требованіе узаконеннаго текста векселя не ограничивается только тѣмъ, чтобы вексель заключалъ въ себѣ въ ст. ст. 3 и 86 приведенныя означенія — реквизиція векселя, являющіяся существенными принадлежностями его но оно заключается также и въ воспрещеніи включенія въ текстъ векселя такихъ элементовъ, которые могутъ внести неопредѣленность или усложнить отношенія сторонъ. Такъ, напр., не допускаются никакія оговорки, являющіяся обязательствомъ платежа условнаго (ст. 11). Вексель есть безусловное обязательство платежа

целовность платежа дѣлаетъ актъ
недѣйствительнымъ въ качествѣ
векселя (ст. 14). Нельзя, дамы, внести
суть въ вексель постановленийъ о
платежѣ процентовъ, или о неус-
тоичкѣ (ст. 12). Нельзя дѣлать раз-
срочки платежа вексельной суммы:
для всей вексельной суммы наз-
начается лишь одинъ срокъ, и
при томъ опредѣленнымъ въ за-
конѣ способомъ. Нельзя, дамы,
вносить въ вексель оговорку объ
освобожденіи векселедержателя
отъ соблюденія к.-л. изъ постано-
вленій въ Уставѣ правилъ: напр,
отъ совершенія протеста (ст. 12).
Подобная оговорка, однако, не
уничтожается силой векселя, а лишь

отпадаетъ. Не допускается, также, дробленіе вексельной суммы ни между несколькими векселедателями, ни между несколькими первыми векселеприобретателями (ст. 10). Подлежащая платежу сумма должна быть означена только и прописью (ст. 4), иначе вексель теряетъ свою силу (ст. 14).

Для индоссаментна нужно, чтобы онъ былъ сдѣланъ на самомъ векселе, на аллонжѣ или копіи векселя. Индоссаментъ долженъ быть безусловнымъ и неограниченнымъ; и въ этомъ случаѣ дробленія вексельной суммы не допускается. При написаніи индоссаментна должно быть

соблюдены формальные требования закона о том, где можно писать первой и последующий индоссаменты, и о способе написания при переходе с самого векселя к анлотенсу (ст. 19) или к копии (ст. 120). Если индоссамент желает освободиться от ответственности по векселю, то должен совершить особую безоборотную надпись: „без оборота на меня“ (ст. 21). Индоссаменты должны быть непрерывного цепного (ст. 23)

Согласно ст. 19 необходимо соблюдение особых правил при переписывании и поправках в индоссаментах.

Для акцепта требуется, чтобы онъ былъ совершенъ письменно и притомъ на самомъ векселе (ст. 94). Словесной акцептъ недостаточенъ. Акцептъ обязательно долженъ сопровождаться подписью акцептанта. Въ виду исключеній, допускается акцептъ въ части вексельной суммы (ст. 93). При предъявленіи къ акцепту должны быть соблюдены известныя правила относительно времени, мѣста и т. д.

Для сохранения, преобращенія и осуществленія различныхъ правъ по векселю законъ также предписываетъ соблюденіе некоторыхъ формальностей. Такъ, въ известной

судящая требуется предъявленіе (презентація) векселя, что должно быть совершено съ соблюденіемъ предписанныхъ въ законѣ правилъ о мѣстѣ и времени презентаціи, равно какъ и о лицѣ, которому вексель долженъ быть предъявленъ-презентантъ. При недостиженіи этихъ, которые имѣлись въ виду при презентаціи векселя, законъ предписываетъ соблюденіе новой формальности — совершеніи протеста. Несоблюденіе предписываемыхъ закономъ формальностей ведетъ ко многимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ: потерю извѣстныхъ правъ; меньшѣ выгодному положенію въ конкурсѣ и

процессъ. Упущеніе совершенія про-
теста можетъ произойти иногда
и безъ вина векселедержателя;
однако, по ст. 35 устава, страше
его лежитъ на кредиторѣ; онъ
не можетъ урегулировать своего
положенія даже ссылкой на
vis major.

Послѣдствія формальности
векселя сказываются, въ частности,
и въ томъ, что вексаль самъ по
себѣ не даетъ указаній на дви-
стательскія долговые отношенія
сторонъ. Формально векселедатель
простого векселя являея долж-
никомъ первого и последующихъ
пріобрѣтателей векселя. Формаль-
но трассантъ переводнаго векселя,

карт и акцептантъ его, являются должникомъ респондента и индоссатовъ; акцептантъ считается должникомъ также и трасанта, но самъ не имѣетъ противъ него вексельныхъ правъ (ст. 96); между тѣмъ какъ матеріально отношенія между этими лицами могутъ имѣть совсѣмъ иной видъ. Форма векселя скрываетъ действительныя отношенія сторонъ и, при недостаткѣ доказательствъ у векселедателя, можетъ окончательно возстановить надъ „матеріальною правдою.“

Формальный характеръ векселя сказывается, дальнѣе, въ томъ,

что недостатокъ подлинности и законной силы некоторыхъ подписей на векселяхъ не оказываетъ вліянія на все вексельное обязательство, если только соблюдены формальныя требованія. Такъ, въ случаѣ подложности подписи векселедателя, этотъ фактъ подрываетъ силу обязательства векселедателя, но не оказываетъ вліянія на подписи индоссантовъ. Съ другой стороны, - несоблюденіе формальныхъ требованій подрываетъ силу несколькихъ или даже всей подлинныхъ и легальныхъ-безупречныхъ подписей (въ случаѣ, напр., неправильности основного текста векселя). Точно такъ же

формально неправильной индексации
ментъ дѣлаетъ недѣйствитель-
ными все послѣдующіе индексаци-
менты; но формально правильные
предыдущіе индексацименты не
теряютъ своей силы вѣдѣствіе
неправильности послѣдующихъ.

Въ силу формальныхъ пред-
писаній закона многое написан-
ное въ вексель считается про
non scripta, а многое ушито-
женное — неушитоженное. Напр.,
ушитоженная безоборотная
передаточная надпись не считается
ушитоженною, если объ ушито-
женіи ея не отмѣлено за подписью
лица, сдѣлавшаго безоборотную
надпись.

Къ понятію формальности вексельнаго обязательства, равно какъ и къ понятію абстрактности его тѣсно примыкаемъ понятіе и т. наз. „вексельной строгости“ — *rigor cambialis*.

Rigor cambialis проявляется прежде всего въ формальномъ характерѣ векселя, въ результатъ чего, какъ разсмотрѣно уже выше, несоблюденіе подчасъ самой незначительной формальности влечетъ часто къ несправедливымъ послѣдствіямъ; „вексельная строгость“ выражается, дакъ, и въ абстрактномъ характерѣ вексельнаго обязательства, независящаго отъ его сана: права и обязанности участвующихъ въ век-

силь ищущ должны вытекать из самого документа, т. к. все, что находится вно в векселя, не может изменить юридического положения сторон.

Вексельная строгость проявляется, между прочим, и в том, что, переходя из рук в руки, вексель расширяет круг ответственных лиц, связываемых солидарною ответственностью. Вексельная строгость проявляется, также, в установлении кратких сроков для предъявления исков по векселям (ст. ст. 73-77, 112-114), по истечении которых, всякая ответственность по векселям (ст. 77) теряется, в отношении кото-

равно срок пропущен, прекращается.

В процессуальных отношениях вексельная строгость проявляется в упрощенности порядка судопроизводства (Уст. Гр. Суд. ст. ст. 161¹⁻²⁴), отличающимся большим быстротой и недопущением в нем никаких торжественных доказательств и других средств защиты, обычных в обыкновенном порядке судопроизводства.

4. Вексель — обязательство одностороннее.

Односторонность вексельного обязательства состоит в том, что по векселю обязанности считается только одно лицо — векселедатель (простого векселя); векселедатель

датель въ простомъ векселе беретъ на себя безусловную обязанность только платить; никакимъ требованіемъ ему не принадлежитъ.

Наоборотъ, вексельному кредитору принадлежитъ лишь право требованія вексельнаго платежа, — обязанности у него нѣтъ. Въ переводномъ векселе также заключено одностороннее обязательство платежа на сторону трассанта, но обязательство не безусловное, какъ въ простомъ векселе, а — условное: трассантъ обязуется уплатить по траттѣ, если не последуетъ акцепта со стороны трассата, Обязательство трассанта, т. обр., условное и субси =

диарное. Наоборотъ, съ момента акцептаціи векселя обязательство трассанта, подобно обязательству векселедателя въ простомъ векселе, безусловно.

Въ немецкой литературѣ въ книгѣ Lehmann'a (Wechselrecht) было высказано мнѣніе, что и кредиторъ по векселю является носителемъ не только правъ, но и обязанностей. Законъ требуетъ отъ вексельнаго кредитора соблюденія известной формальности, совершенія при известныхъ обстоятельствахъ некоторыхъ действий (протеста и т.д.) гдѣ налагается на него, т. обр., известная обязанность. Однако, мнѣніе это

неправильны; при ближайшем его разсмотрѣннн можно легко убедиться, что это не обязанность векселедержателя, а лишь условнн осуществленнн принадлежащих ему правъ изъ векселя.

5. Вексель — обязательство денежное.

По русскому вексельному закону равно какъ и по большинству иностранныхъ вексельныхъ законодательствъ, вексельное обязательство есть обязательство денежное: предметомъ его можетъ быть только денежная сумма въ русской или иностранной валютѣ. Ст. 3. и 86 устава о векселяхъ говорятъ, что... „вексель... долженъ содержать въ себѣ...

означение подлежащей платежу
денежной суммы".

Совершенно точно содержится
и в ст. 4 устава о векселях
товарные векселя, равно как и
векселя с обозначением платежа
в процентных бумагах, акциях
и т. под. недопустимы (Бар. Полькен).
Только итальянское и румынское
законодательство допускают
векселя не денежного характера, а
с обязательством платежа по
векселю известным количеством
сельско-хозяйственных продуктов.

IV
Требование денежного харак-
тера вексельного обязательства
выполнить понятно: лишь деньги,
как предмет вексельного обязатель-

ства въ состояніи сообщитъ векселю возможность легкаго и быстрого выполненія свойственныхъ ему функций; выраженная въ деньгахъ вексельная сумма по своимъ размерамъ можетъ быть очень разнообразной, влѣдствіе чего вексель въ состояніи очень хорошо приспособляться къ индивидуальнымъ потребностямъ дѣлового міра, а это обстоятельство обеспечиваетъ векселю еще большее распространеніе.

IV. Форма передачи векселя (индоссаментъ).

Передаваемость — одно изъ свойствъ векселя, называемое въ

Юридической литературы и на
„индоссабельности“.

По русскому, равно как и
по большинству иностранных
законодательств, за исключением
французского, бельгийского и поль-
ского, передаваемость векселя под-
разумывается сама по себе и не
требует для этого особой
оговорки или поспомогии. Наоборот,
чтобы исключить право такой
передачи, необходима особая оговор-
ка. Ст. 17 русского вексельного
устава говорит, что „первый
приобретатель векселя в праве
передать его в собственность
другому лицу. Такое же право
имеет и каждый последующий

приобретатель векселя."

Передача векселя по подписи
может преследовать две цели:
1) или перенесение на другое лицо
принадлежащих передаточному
праву по векселю, — передача век-
селя во собственность; или же
2) поручение другому лицу осуществ-
ление прав по векселю во интерес
передаточного. Соответственно этому
индоссаментъ и распадается на
два вида: передаточный и проно-
зителный.

Переходя къ выясненію юри-
дической природы индоссамента,
нужно прежде всего сказать, что,
съ формальной стороны, индос-
саментъ представляет формаль-

ный актъ, выражающійся въ соот-
вѣствующей надписи на векселе
индоссанта и порождающій
такое-же абстрактное обязатель-
ство, какъ и обязательство вексель-
дателя; съ матеріальной же
стороны индоссаментъ есть
перенесеніе вексельныхъ правъ отъ
индоссанта къ индоссату съ
цѣлью установленія: въ однихъ
случаяхъ, — при передаточномъ индос-
саментѣ, — права собственности
на вексель за индоссатомъ, въ
другихъ, — при препоручительной
надписи, отношеній уполномочія
ради осуществленія индоссатомъ,
какъ уполномоченнымъ, правъ изъ
векселя въ интересахъ индоссанта,

как доверителя.

История определений юридической природы индоссамента, со времени возникновения такового в XVII вѣкъ и до нашего времени, знаетъ въ себѣ почти столько же самыхъ разнообразныхъ и подчасъ неслѣпыхъ теорій, какъ и история объясненій юридической сущности самого векселя. Также какъ и по отношенію къ векселю, въ индоссаментъ первоначально пытались видѣть юридическій актъ, который по своему существу долженъ былъ бы укрѣпиться въ рамки римско-правовыхъ понятій; и лишь постепенно, подъ вліяніемъ критики самой жизни,

все время измѣнявшейся и все рѣзко
обособлившейся индоссамента отъ
сдѣлокъ римскаго права: мѣны,
продажи, цессіи и т.д., съ помощью
которыхъ ученые юристы своего
времени попытались объяснить
природу индоссамента, пришли
къ мысли, что индоссамента не
является ни мѣной или цессіей,
а есть сдѣлка *sei generis*, не
уподобляющаяся въ ставшія узкіе
рамки римскаго права,
своеобразная гирта которой
статутъ понятными лишь при
внимательномъ изученіи самой
правовой жизни, создавшей совер-
шенно неизвѣстныя римскому
праву институты новѣйшаго

вексельнаго законодательства.

Природа индоссаменты, въ сущности, съ достаточной полнотой выяснена уже выше, въ связи съ разборомъ существа самого векселя; поэтому, чтобы не допустить ненужныхъ повторений, достаточно будетъ здѣсь коснуться лишь тѣхъ неудачныхъ попытокъ, появившихся въ свое время довольно широкимъ кредитомъ среди юридическаго міра, которые видѣли въ индоссаментъ не что иное, какъ общегражданскую цессию, въ примѣненіи къ вексельному праву.

Это это объясненіе существа индоссаменты не выдерживаетъ научной критики и находится

въ зрѣбонъ противорачіи съ истин-
нымъ положеніемъ вещей, будетъ
легко видно, если мы перейдемъ къ
разсмотрѣнію сходныхъ и отлич-
ныхъ свойствъ того и другого
института.

Итакъ, опредѣленіе индос-
саментъ намъ уже известно; что
же касается до цессіи, то проф.
М. М. Пюштровъ (Гражданское пра-
во) характеризуетъ таковую,
какъ „перенесеніе заключающагося
въ уступаемомъ требованіи при-
язанія на другого вѣрителя.“
П. оф., участниками цессіи являют-
ся: передающій требованіе
кредиторъ (цедентъ), приобретающій
требованіе кредиторъ (цессіо-

нарий) и должника (debitor cessus).

Согласно новому европейскому праву, во томъ числѣ и по Трибаунтійскому, которое ближе всего стоитъ къ римскимъ истогникамъ, уступка требованій отъ претяго кредитора къ новому совершается или по закону, безъ особаго изъясненія на то воли претяго кредитора, или по судебному рѣшенію, или по юридической сдѣлкѣ (ст. 3461 Балт. Св.); при этомъ, цессионарій, хотя и не приобретаетъ черезъ передачу большаго права, гдѣ-то, которая имъ же цедится, но самое требование переходитъ къ нему со всеми принадлежащими къ оному и

въ минуту передачи уже существующими правами... (ст. 3476 Балт. Св.)
debitor cessus вправе предъявить противъ цессионарія не только все свои противъ него отводы, но и тѣ, которые онъ имѣлъ противъ цедента, причемъ можетъ предъявить къ зачету противъ цессионарія свои встречныя требованія, которыхъ онъ имѣлъ къ цеденту во время извѣщенія его о передаче (ст. 3480), т. е. „цессионарій является приобретателемъ съ обязанностью осуществить приобретенное требованіе съ соблюденіемъ существовавшего въ то время правового положенія.“ III. обр., говоритъ проф. И. М. Плотниковъ:

„ на цессіонарія переносится все юридическое и фактическое отношеніе, существующее въ моментъ цессіи, т. е. оно будетъ осуществляться цессіонаріемъ, какъ его собственное требованіе, впрочемъ, однако, съ присущими отношенію правами и обязанностями цедента, при чемъ дѣйствіе цессіи въ отношеніи должника получается полную силу лишь послѣ того, какъ онъ надлежащимъ образомъ будетъ извѣщенъ о совершившейся передачѣ.“

Далѣе, разсматривая цессію съ точки зрѣнія „ послѣдствій передачи требованія,“ по Римскому, равно какъ и по Прибалтійскому

праву, „ цессіонарію передається не саме требованіє, а одно лише осуществленіє принадлежащаго впритомъ права требованіє изъ поминівъ обязательства отъ имени впритомъ (*actio mandati*), но въ собственную пользу (*procuratio in rem suam*), или самостоятелно отъ собственного имени (*actio utilis* или *actio suo nomine*). Вслѣдствіе этого не только тотъ, кому уступлено требованіе, можетъ распорядиться имъ и предъявить искъ объ исполненіи (ст. 3475), но и уступившій требованіе, про-должая считаться кредиторомъ (ст. 3474), сохраняетъ за собою право получить платежъ и право иска,

пока должникъ не удовлетворитъ
того, въ пользу коего совершена
уступка, или не будетъ имъ вызванъ
въ судъ, или же извѣщено
объ уступкѣ" (Проф. Плотниковъ).

Исходя изъ всего вышесказаннаго,
можно т. обр. установить
ту границу, которая резко отдѣляетъ
цессию отъ индоссамента.

Какъ намъ извѣстно, приобретаемые
при посредствѣ индоссамента
права основываются на
самомъ векселе, а не на правахъ
индоссамента, въ связи съ чѣмъ
права индоссата носятъ вполне
самостоятельный характеръ;
между тѣмъ, права, приобретаемые
въ силу цессии, какъ мы ви-

дима, не обладающа самостоятельным
характеромъ, а вытекающа изъ
численно изъ правъ цедента.

При цессии, дайте, требуется
уведомленіе должника о совершив-
шейся передачѣ правъ; при индос-
саментъ въ такомъ уведомленіи
нѣтъ необходимости,

Цедентъ отвѣчаетъ только
за помен велит, т. е. „ за вѣрность
и точность онаго, но за надеж-
ность (помен велит) отвѣтствуетъ
слишь въ томъ случаѣ, если зналъ
о несостоятельности должника
и злоумышленно о ней умолчалъ,
или же если вынулъ требованіе на
свой страхъ” (ст. 3481); наоборотъ,
индоссаментъ обычно отвѣчаетъ

и за осуществимость передаваемого права, если только он не сдвинул подписи „безъ оборота на меня“.

При этомъ, ответственность эта по индоссаменту наступаетъ въ силу одного факта неплатежа, тогда какъ при цессии цедентъ отвѣчаетъ лишь въ случаѣ несостоятельности должника.

При цессии *debitor cessus* вправѣ представлять противъ цессионарія все тѣ возраженія, коихъ онъ имѣетъ противъ цедента; при индоссаментѣ же, индоссатъ, заимствующій свои права непосредственно изъ самаго векселя, становится въ непосредственный отношеній къ вексельному долж-

нику и поднеситъ только тѣмъ
возраженіямъ, которыя вытекаютъ
изъ самаго вѣсна.

При индоссаментѣ индоссатъ
можетъ обратиться съ регрессомъ
къ каждому изъ предшествующихъ
индоссантовъ, цессионарій же
въ правѣ требовать удовлетво-
ренія только отъ своего ближай-
шаго цедента. Следовательно,
цедентъ отвѣчаетъ лишь передъ
цессионаріемъ, индоссантъ же
отвѣчаетъ какъ передъ своимъ
непосредственнымъ индоссатомъ,
такъ и передъ всеми послѣдую-
щими; отвѣчаетъ при этомъ
солидарно съ прочими обязанными
по вѣсело мѣстамъ, но въ то-же

время вполне самостоятельно и независимо отъ кнѣзь,

Наконецъ, и сама форма передачи индоссаментна отличается отъ формы передачи правъ по цессии: индоссаментъ долженъ быть совершенъ не иначе, какъ на самомъ векеелѣ; между тѣмъ, цессія не связана особото формой (ст. 3471): достаточно безороченнаго договора между цедентомъ и цессионариемъ (Проф. И. М. Потоцкий).

Въ вышеперечисленной и многихъ другихъ чертахъ различаются индоссаментъ и цессія совершенно различными институтами, и установленіе близости, родства между ними или аналогіи возможно

лишь с помощью недостоверных
с юридической точки зрения
натяжек.

Согласно действующему зако-
нодательству (ст. 15 вех. устава)
индоссамента может быть совер-
шенъ только на самомъ векселе,
на его дубликатъ, копіи или
алѣнжъ. Несоблюдение этихъ
правилъ влечетъ за собою недейст-
вительность передачи векселя. Обычно
передаточная надпись ставится
на оборотной сторонѣ векселя,
применъ первая такая надпись,
если она именная, можетъ быть
написана или нагата на лицевъ
вой сторонѣ. Указанное правило

имеет своей целью облегчить определение характера какъ передаваемой надписи въ отличіе отъ другихъ видовъ надписей на векселяхъ (поручительной, акцепта и т. д.), такъ и порядка послѣдовательности надписей.

Передаваемые надписи бываютъ двухъ типовъ (ст. 18): именная или бланковая.

Именная передаваемая надпись, кромѣ подписи надписателя, содержитъ означеніе новаго приобретателя векселя (ст. 18). Кроме того, въ именной передаваемой надписи должно быть выражено также намереніе передачи векселя (напр., словами: „вмѣсто

меня запомниме такому-то"), во избежание недоразумѣній при толкованіи значенія надписей. Действующій уставъ не уста- навливается, между прочимъ, обяза- занности означенія мѣста и времени совершенія индоссамента, какъ это требовалось старинно русскимъ уставомъ, что, однако, въ известнѣйшхъ случаяхъ можетъ имѣть важное значеніе (при выяс- неніи, напр., вопроса о вексельной правоспособности индоссамента и т. д.). Новѣйшія законодательства, въ томъ числѣ и русское, не требуютъ болѣе упоминанія о полученіи ваучета при передачѣ векселя (исключеніе: Франція и Польша),

т. к. обязательность указания этого отменяется и при выдаче векселя, Мотивы выдачи или передачи векселя для вексельного права значения не имеют. В духе ст. 11 устава недопустимо помешение в передаточной надписи и к. л. условий, превращающих передачу в условное обязательство.

Бланковая передаточная надпись не заключается в себя означения индоссанта (ст. 18) и на практике обычно состоит лишь из одной подписи индоссанта, без всякого дополнительного текста. Согласно ст. 20, всякая бланковая надпись может быть измещена в упомянутом пункте

надписанъ надъ подписью бланка,
написателемъ соответствующаго
текста и обозначенъ имени
индосанта. При бланковой над-
писи каждый приобретатель
векселя считается индосантомъ
и поэтому вправе передать век-
сель другому лицу и безъ новой
надписи (Ст. 18). Благодаря этому,
бланковой индосаментъ, допуская
передачу векселя безъ всякихъ фор-
мальностей, по правиламъ обще-
гражданской цессии, въ послѣдую-
щемъ обращеніи векселя, не смотря
на запрещеніе векселемъ на-предъя-
вителю, придаютъ векселю харак-
теръ бумаги на предъявителя.
Какъ именной, такъ и

Бланковый индоссаментъ приводитъ къ двумъ послѣдствіямъ: съ одной стороны, передаточная надпись приводитъ къ перенесенію права собственности на вексель отъ индоссанта къ индоссату и, влечетъ съ тѣмъ, къ перенесенію вексель правъ, вытекающихъ изъ векселя, какъ обязательства; съ другой стороны, индоссаменту свойственны и функціи т. наз. гарантіи платежа по векселю, т. к., индоссантъ, передавая вексель индоссату, поступаетъ, согласно смыслу закона, точно такъ же, какъ-будто бы выдалъ новый вексель отъ своего лица — онъ несетъ отвѣтственность по

векселя наравно съ векселедателем и прочими участниками вексельного обязательства.

Приобретая вексель по передаточной надписи, именной или бланковой, къ индоссаменту, вмѣстѣ съ правомъ собственности на вексель, переходятъ и все права изъ векселя; права индоссанта совершенно самостоятельны и не зависятъ отъ предшествовавшихъ векселедержателей; его положеніе, какъ кредитора, ничѣмъ не отличается отъ положенія перваго векселеприобретателя; его права, въ противоположность правамъ цессіонарія при cessio, вытекаютъ изъ самаго векселя и не основаны

вагома на правах индоссамта (ст. 24 устава). Поэтому, все эти ограничения, которые в силу твое или других материальных отношений к вексельному должнику, могли существовать для вексельных прав индоссамта, в отношении прав индоссамта никакого значения не имеют. Для такой самостоятельности прав индоссамта требуется соблюдение лишь формальной и материальной легитимации его прав, а именно: индоссамт должен быть правильным векселедержателем, что выражается в непрерывном ряде индоссаментов (ст. 23), и он должен вексель приобрести

добросовестности плательщика (ст. 24).

Передавая вексель по индоссаменту индоссант берет на себя и гарантирует плательщика по сему векселю — онъ превращается, след., изъ кредитора по векселю въ вексельнаго должника.

Переуступная вексельная права, индоссантъ, т. обр., не возбуждается изъ числа участниковъ вексельнаго обязательства, а самою своею индоссаментомъ становится въ качество гаранта вексельно ответственнымъ передъ индоссантомъ. Въ известнахъ случаяхъ индоссантъ вправе поэтому съ требованіемъ платежа по векселю обратиться къ индоссанту —

т. наз. право регресса. Это может
иметь место тогда, когда, напр.
с наступлением срока векселя,
главный вексельный должник —
— векселедатель или трассанти
(акцептант) — платяка по векселю
не совершает; платяка должен
быть произведен в таком случае
индоссаментом (ст. 28). Для того,
чтобы избежать этих последствий
и отклонить отъ себя регресс
в случае неплатежа со сторо-
ны главного вексельного должника,
индоссант может из своему
индоссаменту присовокупить
особую оговорку: „Без оборота
на меня“ (ст. 21). Безоборотный
индоссамент имеет своимъ

последствием, т. обр., то, что без-
оборотный индоссамент, с передачей
прав индоссаату, выбывает из
вексельного отношения и перестает
нести ответственность за платаж
по векселю как перед своим индос-
сатом, так и перед всеми пос-
ледующими векселедержателями.

То передаточной надписи
вексель может быть передано
любому лицу, хотя-бы это лицо
уже состояло в каком-то обя-
занного по тому-же самому
векселю; напр., вексель может
быть передано векселедателю,
акцептанту, одному из индосса-
тов и т. д. Получается т. обр.
смесь (confusio) прав и обязан-

ностей въ одномъ лишь, которое по гражданскому праву неизбежно приводитъ къ погашенію обязательства, чемъ въ вексельномъ отношеніи, однако, не наступаетъ. Напр., ремиттентъ А передаетъ вексель по индоссаменту В, индоссаентъ В индоссируетъ дальше С, индоссаентъ С передаетъ вексель Д, а Д по индоссаменту возвращаетъ вексель состоящему уже въ цѣти передаточный подписей гаранту В. Въ послѣднемъ случаѣ передъ В отвѣтственность сохранить лишь ремиттентъ А, въ то время какъ лица С и Д освобождаются отъ вексельной отвѣтственности, т. к. В самъ

является по такому векселю от-
вѣтственнымъ передъ Д и С, кото-
рые, въ случаѣ требованій пла-
тента по векселю со стороны
В, вправе возразить ему
регрессомъ.

Единственнымъ исключе-
ніемъ изъ положенія о непога-
щаемости вытекающимъ изъ
векселя правообязанностей будетъ
представлять лишь тотъ слу-
чай передачи векселя, когда та-
ковой переходитъ къ главному
должнику, т. е. къ векселедателю
простого (ст. 17) или акцептанту
переводнаго (ст. 89) векселя. Воз-
вращенный имъ вексель считается
уже погашеннымъ и, потому,

дальше передавать такой погашенной вексель или что не вправъ (объявл. зап. 1899 г. къ ст. 17).

Индоссировать вексель можно какъ до наступленія срока векселя, такъ и по наступленіи его, даже послѣ протеста или по истеченіи времени, предоставленнаго для протеста. Однако, передача просроченнаго векселя, опротестованнаго или непротестованнаго, не налагаетъ на подписателя ответственности за платежъ по векселю (ст. 56); можно также освободиться отъ ответственности подписателемъ и въ случаѣ несовершенія протеста по неоплаченности

въ срокъ векселя (ст. 55), т. к. право
регресса къ подписателямъ обяза-
тельно неполученіемъ платежа
отъ главнаго вексельнаго должника,
ка именно въ срокъ, когда и слѣдо-
вало предъявить вексель къ платежу.

Постановленія ст. ст. 55 и 56
устава основываются на томъ
положеніи, что главнаго должника
остаются отвѣственными по
векселю при всякихъ условіяхъ:
передъ пріобрѣтателями векселя какъ
досрочными, такъ и послѣсрочными,
между тѣмъ какъ второстепен-
ные должники, въ томъ числѣ и
индоссанты, отвѣчаютъ лишь
условно — на случай неуплаты
платежа по векселю въ срокъ.

2. Кроме индоссаменента, какъ способа передачи векселя отъ одного лица къ другому вексельное право знается и другою тѣмъ передаваемою подписью — это т. наз. „препоручительныя подписи“.

Въ то время, какъ индоссаментъ приводитъ къ передаче векселя въ собственность индоссаента, по препоручительной подписи вексель передается не въ собственность, а лишь для совершенія известнаго дѣйствія съ целью полученія платежа по векселю (эта операція называется еще технически терминомъ „инкассо“). Препоручительная подпись представляется собою т. обр. свойствен-

ное вексельному праву упрощенное по форме и выраженное в виде индоссамента поручения по представительству векселедержателя в отношении выполнения принадлежащих ему прав. Отъ общегранжданскаго поручения по получению платежа отличается передача векселя въ силу препоручительной надписи тѣмъ, что она сопровождается особыми, специфически — вексельными послѣдствіями, имѣющими значеніе не только для отношеній между препоручителемъ и уполномоченнымъ такой препоручительной надписи, но и для третьихъ лицъ, т. к. таковому упол-

помощному подгасъ представляется
самостоятельнымъ дѣйствіемъ на похва
вексельнаго права, въ которыхъ
онъ по отношенію къ третьимъ
лицамъ вступаетъ отъ собствен-
наго своего имени.

По формѣ своей препоручи-
тельная надпись мало глѣтъ
отличается отъ индоссамента;
согласно ст. 25 устава, полномо-
чіе устанавливается особою на
вексель надписью, именуемой
препоручительной, которая долж-
на содержать въ себѣ, сверхъ
полномогія, означеніе лица, коему
самое полномогіе дается, и подпись
препоручителя. III. обр., по русскому
вексельному уставу, препоручитель-

ная надпись можетъ быть только
именного.

Отношенія между препоручи-
телемъ и уполномоченнымъ по
препоручительной надписи опредѣ-
ляются ст. 26 устава, которая
говоритъ, что „лицо, уполномо-
ченое препоручительной надписью,
считается имѣющимъ право
какъ на предъявленіе векселя къ
платежу или ко взысканію и
на полученіе пригитануемыхъ
по векселю денегъ, такъ и на
все вообще дѣйствія, необходи-
мыя для охраненія правъ препору-
чителя. Такое уполномоченное
лицо можетъ передать свое полно-
мочіе другому лицу посредствомъ

новой препоручительной надписи, если в первоначальной препоручительной надписи не оговорено о воспрепятствии такой дальнейшей передаче. В результате таковы переуполномочий можем образоваться целый ряд препоручительных надписей, ряд, однако, отдельный и независимый от ряда индоссаментов передачи, т. е. передать можем уполномоченный по препоручительной надписи может лишь на том же основании, на котором от себя получил можем от векселедержателя, т. е. не во собственность, а только для осуществления и охранения прав препоручителя, соответст =

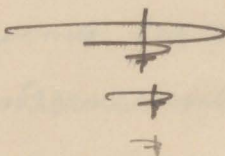
ветно принципу, что нельзя пере-
давать больше прав, сколько самъ
имеешь. Передаточная подпись,
въ смыслъ перенесенія права
собственности на вексель, постав-
ленная на вексель уполномо-
ченной по поручительной
подписи, должна почитаться
недействительной.

Вексельный уставъ не
опредѣляетъ подробно отноше-
ній уполномоченнаго къ поручи-
телю и открываетъ, т. ообр.,
доступъ къ болѣе точному опре-
дленію этихъ отношеній нормами
гражданскаго права. Поэтому,
уполномоченнай по векселю
не является векселедержателемъ

самъ по себѣ, а лишь представлятъ
такового, поему уполномоченный
въ случаѣ дальнѣйшей передачи
векселя не несетъ никакой отвѣт-
ственности по векселю. Уполно-
моченный какъ бы сливается съ
лицомъ препоручителя; противъ
уполномоченнаго возможны все
тѣ возраженія, которыя имются
по отношенію къ препоручителю.
Въ процессуальномъ отношеніи,
однако, уполномоченный вполне
самостоятеленъ и выступаетъ
отъ своего имени, а не отъ имени
препоручителя, отъ котораго онъ
не нуждается въ поученіи на
то особой довѣренности, въ
сферѣ гражданскихъ отношеній

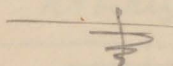
для уполномоченного необходимой,

Еще одним специфическим свойством поручительной надписи, отличающей ее от гражданского полномочия отъ гражданскаго представляется то, что установленное его полномочие не прекращается ни смертью поручителя, ни ограничением его способности (ст. 25.).

Оглавление.

- I. Вексель начального периода — индоссамент
та . . . . . 1 — 11.
- II. Появление индоссамента.
Креационная и договорная теории.
Существо вексельного обязательства 11—61.
- III. Виды векселей: простой и переводной.
Свойства вексельного обязательства 61—72.
1. Вексель — обязательство договорное 72—77.
2. Вексель — обязательство абстрактное 77—95.
3. Вексель — обязательство формальное.
Строгость векселя . . . . . 95—110.
4. Вексель — обязательство одностороннее 110—113.
5. Вексель — обязательство денежное 113—115.
- IV. Форма передачи векселя (индоссаментъ) . . . . . 115—154.

Списокъ пособій, послужившихъ
источниками данной работы.

1. Шершеневъ, Курсъ торговаго права.
2. Уитовъ, П. Курсъ вексельнаго права.
3. Фредоровъ, А. Ф. Вексельное право.
4. Катковъ, В. Д. Общее учение о векселяхъ.
5. Плотниковъ, Гражданское право.
6. Бар. Нолькенъ, Уставъ о векселяхъ.
7. Каминка, А. И., Уставъ о векселяхъ.
8. Носенко, Вексельное уставное.
9. Lehmann, K., Handelsrecht,
10. Grünhut, C. S., Wechselrecht,
11. Meyer, Dr. F., Weltwechselrecht
12. Cosack, K. Lehrbuch des Handels-
-recht,

конецъ.

